

Котабо

Золотая Сказочница и Изумрудная Защитница

Котабо

**Золотая Сказочница и
Изумрудная Защитница**

«Автор»

2026

Котабо

Золотая Сказочница и Изумрудная Защитница / Котабо —
«Автор», 2026

В городе Ветрограде, где ветры разносят истории по свету, живут две сестры. Айла сочиняет сказки и развешивает их на верёвках, чтобы ветер уносил их в мир. Иллира наводит порядок и проверяет корни — потому что считает, что без плана даже самая красивая история рассыплется. Они такие разные, но вместе способны открыть любую дверь. Это цикл о том, что быть разными — не значит быть чужими. О том, что вместе можно распутать любые узлы и открыть любые двери. И о том, что даже в самом обычном дне может жить чудо. Для всех, кто ищет свой золотой свет и изумрудную защиту. Книга для детей от 7 до 10 лет.

© Котабо, 2026

© Автор, 2026

Содержание

«Золотая Сказочница и Изумрудная Защитница: Тайна Стекло́нной Горы»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Котабо

Золотая Сказочница и Изумрудная Защитница

«Девочкам, которые придумывают миры, и их старшим сестрам, которые помогают этим мирам устоять».

«Золотая Сказочница и Изумрудная Защитница: Тайна Стекло́нной Горы»

Пролог

В городе Ветрограде всё начинается с ветра. Он приносит запах мёда из Зеркальной Пустыни, шевелит листья на старых яблонях и играет с занавесками в домах. Но самое главное, что делает ветер, — он разносит по миру истории. Их придумывают люди, а ветер подхватывает и несёт туда, где они нужнее всего. Поэтому в Ветрограде никогда не бывает скучно. Здесь даже камни умеют слушать.

В центре города стоит Стекло́нная Гора. Она не похожа на другие горы — она прозрачная, как лёд, и звенит по утрам, будто в ней спрятан тысяча колокольчиков. Говорят, что внутри неё живёт эхо, которое помнит все песни, когда-либо спетые в этих краях.

В маленьком доме с синей черепицей на краю Ветрограда живут две сестры. Старшую зовут Иллира. Она любит порядок и считает, что всё в мире должно лежать на своих местах. Младшую — Айла. Она любит придумывать истории и развешивать их на верёвке во дворе, чтобы ветер уносил их дальше.

Они разные, как утро и вечер. Но именно им суждено узнать, почему трещина — это не поломка, а дверь.

Случится это на рассвете, когда гора впервые зазвенит по-новому, а ветер принесёт не просто запах мёда, а целую тайну.

Всё начинается здесь, в Ветрограде. В доме с синей черепицей. И в двух сердцах, которые ещё не знают, что вместе они способны открыть портал.

Глава 1. Где живут Истории и где живёт Порядок

Город между Морем и Пустыней назывался **Ветроград**. Он стоял на семи холмах, и на каждом холме росло по одному разному дереву. На одном — дуб с золотыми желудями, на другом — ива, которая шептала стихи, когда дул южный ветер.

Но самое главное место в городе находилось в центре — это была **Стекло́нная Гора**. Она была не из камня, а из застывшего света. Каждое утро она звенела, как тысяча колокольчиков, и от этого звона просыпались цветы.

На самой окраине Ветрограда, у подножия холма с берёзовой рощей, стоял дом. Небольшой, с крышей, покрытой синими черепицами, и с крыльцом, которое всегда скрипело, даже если на него никто не наступал. В этом доме жили две сестры.

Вот как выглядела Айла.

Ей было девять лет, но казалось, что ей тысяча и девять одновременно — потому что в её глазах цвета старого мёда мерцали все истории, которые она когда-либо придумала. Волосы у Айлы были рыжими, но не обычными, а с золотыми прожилками — будто кто-то расплавил солнечный луч и смешал его с лисьим мехом. Она носила их распущенными, и когда она бегала, волосы разлетались в стороны, оставляя за ней шлейф из искр.

Но самой удивительной была её одежда. На ней был длинный плащ, который бабушка подарила ей в день рождения. Плащ был небесно-голубым, но весь расшит золотыми буквами. Эти буквы имели ужасную привычку перебираться с места на место. Сегодня на левом рукаве было написано *«Ветер унёс короля»*, а завтра эта фраза переползала на подол, и на рукаве появлялось новое: *«А потом случилось чудо»*. Айла говорила, что это буквы сами выбирают истории, которые хотят рассказать миру.

Айла обожала сидеть на крыльце и смотреть, как по небу плывут облака. И каждый раз, когда какое-нибудь облако было похоже на дракона, она выхватывала из кармана свою любимую палочку-царапку (на самом деле это был обычный карандаш, но она называла его «пером

воображения») и дописывала облаку хвост или крылья, прямо в воздухе. И облако, словно обиженное, что его перерисовывают, начинало менять форму. Айла смеялась и кричала:

— Вот видишь! Я знала, что ты на самом деле хочешь быть не драконом, а чайником!

А вот какой была Иллира.

Старшая сестра, Иллира, была не такой, как Айла. Ей было двенадцать, и она уже знала, сколько ложек сахара нужно класть в компот, чтобы он не подгорел, и как правильно складывать одеяла в шкаф, чтобы они не мялись. У Иллиры была длинная, густая, тёмная коса, которая свисала до самого пояса. Когда она ходила, коса ходила вместе с ней как надёжный шлейф.

Глаза у Иллиры были зелёные, как мох в самой глубине старого леса. Если смотреть в них долго-долго, то начинало казаться, что где-то там, за зрачками, тихо-тихо шуршат корни вековых деревьев. Она никогда не улыбалась широко, как Айла, но, когда она улыбалась краешком губ — на душе становилось тепло, потому что эта улыбка означала, что она наконец-то во всём разобралась.

Она носила простой тёмно-зелёный плащ без украшений. На плече у неё всегда лежала небольшая изумрудная пряжка, и Айла часто говорила, что эта пряжка волшебная. Но Иллира лишь фыркала и отвечала, что это просто память о маме.

Иллира обожала проверять, ровно ли стоят чашки на полке. Она могла час переставлять их, добиваясь, чтобы все ручки смотрели строго в одну сторону. И каждый вечер она обходила дом по кругу, проверяя, заперты ли ставни. Она не хотела, чтобы в дом ворвался ветер — ведь ветер, как она считала, любит сеять хаос, а в доме должен быть порядок.

В этот день, как и в любой другой, Айла сидела на крыльце и сочиняла историю про облако, которое потеряло свою тень. А Иллира стояла в проёме кухни и пересчитывала горошины в банке, потому что вчера показалось, что одной не хватает.

— Иллира, — сказала Айла не оборачиваясь, — я придумала, что Стеклянная Гора на самом деле не гора, а гигантский спящий ёжик. И если мы его разбудим, он свернётся в клубок, и город перестанет быть городом, а станет большим колесом.

Иллира вздохнула так глубоко, что одна горошина выкатилась из банки.

— Айла, — ответила она, — гора не может быть ёжиком, потому что у ёжика есть иголки, и, если бы это был ёжик, он бы уже исколол все облака, и они бы упали на крыши. И вообще, я только что навела порядок в этом городе в своей голове, а ты своим ёжиком снова всё сломала.

— А зря, — пробормотала Айла, рисуя в воздухе колючки над Стеклянной Горой. — У ёжиков всё устроено мудро. У них не бывает трещин.

И в этот самый момент, когда Айла произнесла слово «трещин», раздался звук, которого в Ветрограде никогда раньше не слышали.

Крак...

Будто кто-то сломал самую толстую ветку в мире. Айла и Иллира переглянулись.

— Это ветер? — спросила Айла.

— Ветер так не трещит, — ответила Иллира, нахмурившись. — Это что-то скрипнуло там, где не должно ничего скрипеть.

Они выбежали на улицу и подняли глаза.

Стеклянная Гора, которая всегда была гладкой и зеркальной, пересекала тонкая, чёрная линия. Она шла от самого низа до макушки, словно гора задумалась и сильно наморщила лоб.

— Это... это же трещина, — прошептала Иллира. — Но горы не трескаются. Это против правил.

— Значит, правила надо переписать! — крикнула Айла, вскакивая на крыльцо и накидывая на плечи золотой плащ. — Я сейчас придумаю историю, в которой гора лечит себя сама!

— Стой! — остановила её Иллира, перехватывая руку сестры. — Ты не можешь вылечить гору словами. Нужно проверить корни! Может быть, это просела земля! Нужен план!

— План? — рассмеялась Айла. — Да в планах спят драконы! Я побежала!

Она сорвалась с места, и её золотые волосы взметнулись, оставляя за ней горячий ветер. Иллира посмотрела ей в след, поправила пряжку на плече и медленно, но уверенно шагнула в другую сторону — к подножию горы, где её ждали корни и тишина.

Две сестры расходились каждая к своей правде.

А гора трещала всё громче.

Глава 2. Та, кто бежит, и та, кто идёт

Айла бежала.

Она бежала так быстро, что её золотой плащ раздувался парусом, а буквы на нём от испуга сбились в одну кучу. Теперь на спине у неё можно было прочитать: «*Спасите гору срочно рыба*» — потому что буквы так спешили, что перепутали все слова. Айла даже не заметила этого — она смотрела только вперёд, на Стекланную Гору.

Гора трещала. Чёрная линия на её боку была неровной и слегка пульсировала, как живая. Айла остановилась на полпути и поставила руки в боки.

— Так, — сказала она горе строгим голосом, — кто разрешил тебе трескаться? Ты же у нас самая красивая. Ты же у нас звенишь по утрам!

Гора промолчала, но трещина дрогнула, и из неё вырвался тонкий, как ниточка, **голубой свет**. Он поплыл в воздухе, неуверенно, как новорождённый светлячок, и ткнулся прямо в нос Айле.

— Это что? — удивилась Айла и потрогала свет пальцем. Он был тёплым и... *говорящим*. Нет, он не произносил слов, но внутри него жил звук — что-то вроде далёкого-далёкого смеха и звонкого стука деревянного молоточка.

— Ты зовёшь меня, да? — прошептала Айла. — Ты хочешь, чтобы я придумала тебе новую историю?

Гора снова промолчала, но трещина чуть-чуть расширилась — ровно настолько, чтобы Айла смогла просунуть в неё ладонь. Внутри было тепло. И оттуда пахло мятой и старыми часами.

Айла сделала шаг вперёд.

Но в этот момент сзади раздался тоненький, надрывный голосок:

— Айла! Стой! Ты же упадёшь, выдумаешь себе крылья и улетишь, а мне завтра придётся тебя искать в Зеркальной Пустыне!

Айла обернулась.

На дороге стоял **Поющий Свистун**. Так его все называли, потому что он всегда свистел и всегда пел при этом, и никто не мог понять, как у него это получалось одновременно. Это был маленький лис с очень длинным хвостом, на кончике которого висел крошечный колокольчик. Он был городским почтальоном и носил сумку через плечо, в которой лежали письма, нарисованные на листьях клёна.

— Свистун! — обрадовалась Айла. — Ты видел? Гора треснула!

— Видел, — ответил Свистун, подбегая и вытирая нос лапкой. — И Иллира тоже видела. Она пошла к подножию проверять корни. И она сказала, чтобы я проследил, чтобы ты не забралась на гору без страховки.

— Страховка — это скучно, — махнула рукой Айла. — А вот что внутри — волшебное! Ты только посмотри!

И она показала Свистуну голубой свет, который всё ещё вился у неё вокруг пальца. Свистун понюхал его, чихнул и сказал:

— Пахнет тайной. Я люблю тайны! Можно я пойду с тобой?

— Конечно! — крикнула Айла и, схватив лиса за лапу, полезла прямо в трещину.

А в это время Иллира шагала.

Она шла спокойно, но крепко, словно оставляя на земле следы-гарантии. Она обошла всю гору вокруг и оказалась у её подножия, где скалы уходили глубоко в землю. Здесь было сыро и тихо. Ветер не доставал до этого места, и трава росла густо-густо, почти как в лесу.

Иллира села на корточки и провела пальцем по земле.

— Так... — пробормотала она, разглядывая растрескавшуюся почву у самого основания горы. — Корни не больны. Земля не просела. Тогда почему ты трещишь?

Она подняла голову. Прямо над ней в воздухе висел крошечный **изумрудный листок**. Он не падал, не колыбался, а просто висел, как будто кто-то прикрепил его к невидимой нитке. Иллира внимательно посмотрела на него.

— Ты не с дерева, — сказала она.

Листок блеснул. И вдруг — раз! — он превратился в маленькую зелёную искру и прыгнул на плечо Иллиры, туда, где лежала её изумрудная пряжка.

— Ты хочешь быть частью пряжки, — догадалась Иллира.

Искра кивнула... или, по крайней мере, так показалось.

И тогда Иллира сделала то, чего не делала никогда в жизни. Она сорвала свою изумрудную пряжку — и в тот же миг пряжка хлынула тёплым светом, и свет этот упал на землю, и из него вырос маленький, но очень твёрдый мост через овраг, который Иллира до этого не замечала.

— Ого, — сказала она вслух и на всякий случай поправила косу. — Значит, она всё-таки волшебная... Айла будет счастлива.

Но улыбнуться она не успела.

Из-за поворота вылетел **Почтальон-Суслик**. Он был запыхан, на нём была фуражка, и он размахивал кленовым листом.

— Иллира! — закричал он. — Иллира! Там Айла полезла в трещину! С ней Свистун! Они пропали внутри! Гора съела их!

Иллира резко встала. Её глаза потемнели, как лес перед дождём.

— Съела? — переспросила она. — Она что, не знает, что в горы не лезят без карты?

— Она сказала, что «карты скучные»! — пискнул Суслик.

Иллира закатила глаза.

— Хорошо. — Она сжала в руке свою пряжку, и изумрудный свет заструился между пальцев. — Показывай, где они.

Суслик махнул лапкой, и Иллира побежала. Не так быстро, как Айла, и не так шумно. Она бежала — и бег её был как песня. Ритмичный, надёжный, упругий. На земле оставались маленькие изумрудные следы — по одному на каждый шаг.

Она бежала к горе. Она бежала к сестре.

А внутри горы, в полной тишине и мягком голубом свете, Айла уже рисовала на стене новый мир.

Потому что стена была не каменная. Она оказалась огромным **листом пергамента**.

Айла села на пол, обхватила колени, и записала первые строки своей новой истории, которая называлась:

«О том, как две сестры почти поссорились, но спасли гору».

Она написала её не карандашом. Она написала её голубым светом, который капал с потолка.

И в этот момент где-то в глубине горы раздался тихий-тихий, почти детский **голос**:

— Я ждала вас. Обоих.

Глава 3. Та, что живёт в ветре

Когда Иллира вбежала в трещину, её изумрудный свет вспыхнул так ярко, что вся пещера на мгновение стала похожа на опрокинутую чашу с зелёным чаем. Она сразу увидела сестру.

Айла сидела на полу и что-то шептала голубому свету, вырисовывая на стене слова. Её волосы светились изнутри. Свистун сидел у её ног, перебирая лапками колокольчик, и тихонько подпевал.

— Айла! — голос Иллиры прозвучал острее, чем она хотела. — Зачем ты побежала без меня? Ты же не знаешь, где здесь можно стоять, а где упасть!

— Я знаю, — не оборачиваясь, сказала Айла. — Здесь всё можно. Здесь ничего не падает. Здесь даже стены пишутся.

Иллира подошла ближе и увидела, что стена и правда была огромным листом, исписанным полупрозрачными буквами. И там, в центре, было написано:

«Жди, когда две дороги сольются в одну. Когда Золото встретится с Изумрудом. Когда слова станут замками, а замки — словами».

— Это ты написала? — спросила Иллира, нахмурившись.

— Это стена написала, — улыбнулась Айла. — Мы с ней договорились. Я пишу историю, а она говорит — да.

Иллира хотела сказать, что это нелогично, что стены не разговаривают, но не успела. В этот момент огромный голубой пузырь вырос из пола, качнулся в воздухе и... лопнул. И из него выплыла **бабушка-Ветрянка**.

Она была почти прозрачной, но при этом её можно было разглядеть до мельчайших подробностей: платок из облачной ткани, серебряные локоны, которые сами собой вились вокруг головы, и удивительные глаза — один голубой, как чистое небо, а второй зелено-серый, как море перед бурей. От неё пахло свежим хлебом, мятой и чем-то далёким, например, полярным сиянием.

— Здравствуйте, мои хорошие, — сказала бабушка-Ветрянка, и голос её звучал одновременно как шёпот листьев и как гудение колоколов. — Я знала, что вы придёте. Обе. По отдельности — быстрее, вместе — глубже. Так и надо.

— Бабушка! — выдохнула Айла. — Так это вы прислали голубой свет?

— А кто же ещё, — улыбнулась та. — Я ветрами управляю, а ветры приносят тайны. Я давно хотела, чтобы вы встретились с горой, но вы всё время ссорились. Одна — туда, другая — сюда. А гора-то одна.

Иллира поправила косу и спросила недоверчиво:

— Но вы же всегда говорили, что ветер должен гулять, а не сидеть внутри горы!

— Я и гуляю, — ответила бабушка-Ветрянка, легко взмахнув рукой. Из её пальцев вылетела маленькая выюга и закружилась вокруг Иллиры, щекоча ей уши. — Я сейчас гуляю внутри вашей истории. А вы — мои попутчицы.

Она подошла к стене-листу, провела пальцем по надписи, и буквы перестроились в новую фразу:

«Трещина — это дверь, а дверь — это приглашение. Входите вдвоём, несите каждый свой свет».

— Но мы и так несли! — сказала Айла. — Я несла историю!

— А я несла план и проверку корней, — добавила Иллира.

— Ах, дети мои, — вздохнула бабушка-Ветрянка и присела на летучий клубок тумана. — В том-то и дело, что вы несли своё, а надо было нести *общее*. Гора треснула не потому, что она старая, а потому что она почувствовала, что вы забыли, как быть вместе.

Она обвела их обеих взглядом и сказала с той особенной мудрой хитринкой, которую имеют только ветры и старые кошки:

— Я подарю вам одно дыхание. Вы будете делить его на двоих. Как только вы выдохнете врозь, оно исчезнет. Но как только вы выдохнете одновременно, на одном звуке — трещина закроется сама. Поняли?

— Поняли! — хором сказали они, хотя каждая поняла это по-своему. Айла поняла это как «надо красиво спеть», а Иллира — как «надо синхронизировать дыхание по таймеру».

— Тогда идите, — махнула рукой бабушка-Ветрянка, и её тело начало таять, превращаясь в золотые и зелёные искры, которые плавно поднялись к потолку. — И помните: гора ждёт не историю и не ремонт. Она ждёт *вас* целиком.

Она исчезла. Но на том месте, где она сидела, осталась маленькая серебряная монетка с изображением ветра, который дует в обе стороны сразу.

Свистун подобрал монетку, понюхал её и сказал:

— О, я знаю, что это! Это «ветряная лепёшка». Она появляется только тогда, когда кому-то очень нужна помощь. Значит, мы правильно пришли.

Айла взяла сестру за руку. Ладонь у Иллиры была тёплой и чуть влажной — видимо, она всё-таки волновалась.

— Давай выдохнем вместе, — предложила Айла.

Иллира закатила глаза, но сделала шаг ближе:

— Давай. Но предупреждаю — я не умею делать это красиво.

— А я не умею делать это по плану, — усмехнулась Айла.

Они встали перед самой глубокой частью трещины, закрыли глаза и...

Глава 4. Там, где живёт Эхо

Они стояли перед самой глубокой частью трещины, и узкий разрез в стене уходил вперёд, как длинный тоннель из голубого света. Айла держала сестру за руку и чувствовала, как та, подумав, слегка сжала пальцы в ответ.

— Готова? — спросила Айла шёпотом.

— Я всегда готова, — ответила Иллира, и это прозвучало совсем не самоуверенно, а почти робко. Она не любила делать что-то без плана, а сейчас плана не было. Был только выдох.

— Тогда на счёт "три", — сказала Айла и, запрокинув голову, сделала глубокий вдох.

Они посмотрели друг на друга, и впервые за долгое время их глаза встретились не в споре, а в чём-то похожем на общее решение.

— Раз, — сказала Айла.

— Два, — сказала Иллира.

— Три! — выдохнули они вместе, ровно и громко, как один голос.

И получился у них не просто выдох. Получилась **нота**. Не высокая и не низкая, а та самая, ровно посередине между смехом и колыбельной. Она поплыла в воздухе и сначала дрожала, как туго натянутая струна, а потом превратилась в тонкую золото-изумрудную линию — ровно такую, какая была в узоре на их плащах. Линия вытянулась, упёрлась в противоположную стену трещины и...

повисла в воздухе мостом.

Мост был не каменным, а звуковым. Он чуть покачивался, как гамак, и по нему бегали маленькие светлячки, которые вылетали из нот.

— Ничего себе! — выдохнул Свистун, выглядывая из-за спины Айлы. — Вот это я понимаю — музыкальная архитектура!

Иллира осторожно топнула ногой по мосту. Он был упругим, но твёрдым — как натянутая парусина, пропитанная звоном.

— Можно идти, — сказала она с деловой интонацией, но в голосе проскользнуло удивление.

Они пошли. Мост под ногами чуть гудел, и каждый шаг отзывался тихим эхом. Чем дальше они углублялись внутрь, тем шире становился тоннель, и наконец они вышли в **огромный зал**.

Зал был круглым. Стекланный свод уходил вверх, и сквозь него просвечивали звёзды. Но не настоящие — а те, которые были нарисованы чьей-то очень старой рукой. На стенах висели зеркальные осколки, в каждом из которых отражалась своя картинка: в одном — море, в другом — бегущий ребёнок, в третьем — осенний сад. А в центре зала стояла **высокая колонна**, и на ней сидела... **Каменное Эхо**.

— Ой, — сказала Айла.

— М-да, — сказала Иллира.

Эхо было маленьким существом, похожим на сову, сделанную из серого песчаника, только глаза у неё были живые — они переливались всеми цветами, которые только что прозвучали в их выдохе. Эхо сидело неподвижно, но когда сёстры приблизились, оно вдруг раскрыло рот и произнесло их же слова, но в обратном порядке:

— «Три! — Два! — Раз!» — прозвучало в зале, и голос был тёплым, как нагретая солнцем галька.

— Оно говорит, наоборот, — догадалась Иллира. — Оно же Эхо. Оно не придумывает — оно отражает.

— Но она красивая, — с восторгом сказала Айла. — Эй, ты, Каменная Сова! Ты знаешь, почему гора треснула?

Эхо помедлило, и вдруг её лицо переменялось — оно стало грустным. Она тихо, с лёгким дребезгом, произнесла:

— «Потому что две ноты перестали звучать вместе».

И затем добавила уже от себя, новым, незнакомым голосом:

— *Я помню, когда-то здесь жила песня. Её пела ваша пра-пра-бабушка, когда город только строился. Она пела каждое утро, и гора откликалась. Но потом люди перестали петь вместе. Кто-то пел слишком громко, кто-то — слишком тихо, кто-то — только про себя. И гора замолчала. А молчание — оно ведь тоже тяжелое. Оно давит изнутри. И гора... треснула от тоски.*

— Тоска по песне? — переспросила Иллира, нахмурившись. — Это странно. Горы не тоскуют.

— Тоскуют, — тихо сказала Эхо. — Все, кто однажды звучал, тоскуют по звуку.

Айла подошла ближе и тронула Эхо за крыло. Оно было тёплым.

— Мы можем её вылечить? — спросила она.

Эхо посмотрело на обеих девочек и, чуть наклонив голову, произнесло нечто, от чего по спине у них пробежал холодок:

— *Можете. Если споёте ту песню, что была забыта. Но её никто не помнит — она осталась только в трещинах. Одна из вас должна спуститься в самый низ, где корни горы пьют молчание. Другая — подняться на самый верх, где ветер ещё помнит начало. А выдохнуть вместе — только в конце.*

Иллира и Айла переглянулись.

— Это план, — сказала Иллира, и в голосе её прорезалась уверенность. — Я спущусь в корни. У меня зелёный свет, я вижу землю.

— А я полечу наверх! — крикнула Айла. — У меня ветер в плаще, я поймаю начало!

Эхо моргнуло. И вдруг стены зала начали светиться — на них проявились две дороги, ведущие в разные стороны: одна — вниз, по спирали, вторая — вверх, по золотой лестнице.

— Только помните, — сказала Эхо напоследок, и голос его задрожал, как колокольчик перед бурей, — *внизу тишина. Она громче любого крика. А наверху — пустота. Она тяжелее любого камня. Не потеряйте друг друга в пути.*

И сёстры, каждая на миг задержавшись, шагнули в свои стороны.

Глава 5. Та, что спускается в корни

Иллира шагнула вниз — и свет Эхо погас за её спиной так быстро, будто кто-то задул свечу. Теперь вокруг неё была только **тишина**. И не обычная тишина, когда просто нет звуков, а та, от которой закладывает уши и начинает казаться, что ты внутри себя слышишь, как движется кровь.

— Ну, хорошо, — сказала она сама себе. — Тишина — это тоже порядок. В тишине хотя бы ничего не падает.

Она зажгла свою изумрудную пряжку, и зелёный свет мягко разлился вокруг, высвечивая стены. Они были гладкими и влажными, как корни старого дуба. Воздух здесь пах землёй, сыростью и чем-то кисловатым — может быть, слезами, может быть, очень старым чаем.

Иллира шла осторожно, каждый шаг проверяя ногой, не провалится ли пол. Она считала шаги: раз, два, три... На шестом она заметила странное.

Пол под ногами был не каменным. Он был **живым**. Когда она наступала, он чуть прогибался, как упругая губка, и из-под земли доносился глухой стон — не боль, а скорее вздох, почти как у старого человека, который садится в кресло.

— Ты что, дышишь? — шепотом спросила Иллира, глядя вниз.

Пол не ответил, но под её ступнёй выступила капелька воды — тёплой и чуть светящейся.

Иллира остановилась и прислушалась. Вдали, где-то в самой глубине, мерно и тяжело звучало **бум... бум... бум...** как огромное сердце.

— Так, — сказала она себе и поправила косу, чтобы та не мешала. — Это ритм горы. Значит, я иду правильно. У неё есть пульс.

Она пошла дальше. Коридор стал шире, и теперь стены уже не были просто гладкими — на них проступали **узоры**. Как корни, которые переплетаются в сложный рисунок, и где-то между ними виднелись буквы. Но не такие, как на плаще у Айлы. Эти буквы были старые, угловатые, почти стёртые временем, и Иллира поняла — это не язык людей. Это язык, на котором говорят камни.

Она дотронулась до одной буквы, и она отозвалась **вибрацией**. Не звуком, а дрожью, которая прошла по пальцам до самого локтя, и Иллира вдруг почувствовала, что в груди у неё тоже начинает что-то вибрировать.

— Странно, — пробормотала она, и её собственный голос показался ей чужим, потому что он растворялся в воздухе почти сразу.

Она сделала ещё несколько шагов и вышла в **огромную круглую пещеру**. Свод был таким высоким, что даже изумрудный свет не добивал до потолка. В центре пещеры росло **дерево**. Но не простое — оно было прозрачным, как стекло, и внутри него текла золотая жидкость, похожая на растопленный мёд. Корни дерева уходили вглубь, в темноту, и заканчивались там, где начиналась вода — густая, чёрная, недвижимая вода подземного озера.

Иллира подошла ближе.

И тут она услышала **голос**. Он шёл прямо из дерева.

— *Кто пришёл в мой дом? Кто ступает по моим венам?*

Иллира не испугалась. Она замерла на мгновение, сложила руки на груди и ответила твёрдо, как отвечала учительнице, когда та спрашивала, сделано ли домашнее задание:

— Я Иллира. Я пришла найти песню, которая потерялась. Мне сказали, что она осталась здесь, в корнях.

Дерево замолчало. И вдруг из его ствола вышла **тень**. Не страшная, а похожая на женщину в длинной одежде, вся — из серого света. У неё не было лица, только очертания, и голос её звучал, как шорох коры.

— *Здесь нет песен, девочка. Здесь — тишина. Самая древняя. Она живёт в корнях дольше, чем любые слова. Хочешь услышать песню — слушай тишину.*

Иллира открыла рот, чтобы возразить, но тень подняла руку, и Иллира внезапно **услышала тишину**. Это было не молчание. Это был звук, похожий на очень далёкий шум моря, смешанный со скрипом снега под ногами. В нём не было слов, но в нём была **память**. Тысячи лет памяти: о первых людях, которые строили Ветроград, о детях, которые бегали вокруг горы, о первом дожде, который упал на этот холм.

Иллира зажмурилась. Слёзы выступили у неё на глазах — от того, что она вдруг поняла: **тишина — это не пустота. Это плотный звук, который просто ещё не стал словами.**

— Я поняла, — прошептала она. — Я запомню её. Я унесу её наверх.

Тень кивнула, и её очертания начали таять, вливаясь обратно в дерево.

— *Тогда иди. И не бойся тишины. Она — твоя союзница. Она всегда была рядом, просто ты её не слышала.*

Иллира повернулась, положила руку на корень дерева, и в этот миг её изумрудная пряжка засияла так, что чёрная вода под ногами на мгновение стала прозрачной. Она не увидела там дна. Но увидела **след**. Маленький золотой отпечаток — такой же, как те, что оставлял плащ Айлы.

— Она здесь была, — сказала Иллира и улыбнулась — краешком губ, но искренне. — И она оставила мне знак.

Сжимая в ладони теплую пряжку, она начала подниматься обратно, унося в себе тишину — не как тяжесть, а как подарок.

А наверху, где начиналась золотая лестница, Айла уже стояла на первой ступени и смотрела вверх, откуда дул ветер, пахнувший далёкими звёздами. Она ещё не знала, что сестра уже идёт к ней. Она чувствовала только, как воздух становится всё прозрачнее и тише, и шептала себе под нос:

— Ну что ж, теперь моя очередь.

Глава 6. Та, что поднимается на вершину

Айла шагнула на первую ступень лестницы — и та зазвенела под её ногой, как бокал. Золотая лестница вилась вокруг горы, уходя вверх, к самому небу. Она была не из камня, не из дерева — а из **застывшего света**, и от каждой ступеньки исходило нежное, чуть дрожащее тепло, будто внутри горела свеча.

— Ух ты, — сказала Айла, присев и дотронувшись до ступени ладонью. — Тёплая. Значит, я иду правильно. Тёплые дороги — правильные.

Она подхватила плащ, чтобы тот не цеплялся за перила, и побежала вверх. Буквы на её плаще от радости, что они снова движутся, начали перестраиваться в строки: «*Я лечу, я лечу, я несу первый луч*», — прочитала Айла на лету и рассмеялась.

Воздух с каждым шагом становился всё прозрачнее. Чем выше она поднималась, тем тише становились звуки снизу — исчезли шаги, исчезло дыхание, остался только **свист ветра**, который, казалось, шептал ей на ухо:

— *Не оглядывайся, Айла. Смотри только вперёд. Пустота любит, когда оглядываются.*

Айла на секунду замерла. Ветер говорил с ней — и это было так же естественно, как дышать. Она привыкла, что ветер с ней говорит. Но сейчас он был более серьёзным, чем обычно.

— А что там, наверху? — спросила она у ветра.

— *Там конец всех дорог*, — ответил ветер. — *Там — начало всех звуков. Но сначала тебе нужно пройти через Пустоту.*

— А она страшная? — спросила Айла.

— *Она — тяжёлая*, — ответил ветер. — *Она тяжелее любых слов. Но ты умеешь превращать тяжесть в лёгкость, правда?*

Айла улыбнулась и шагнула выше.

Дорога становилась всё тоньше. Ступеньки превратились в узкие, почти невесомые пластинки, которые чуть покачивались, когда она на них наступала. Справа от неё было небо — но не привычное, голубое, а **белое**, как пергамент, на котором ещё не написали ни слова. Слева — пропасть, но и она была не тёмной, а светлой, как молоко, и там, в глубине, плавали обрывки фраз, которые когда-то произнесли люди, но потом забыли.

Айла шла и запоминала их. Одна фраза была про маму, другая — про дождь, третья — про первую улыбку. Она собрала бы их все, но лестница уже кончалась.

Она остановилась на самой верхней ступеньке.

Перед ней было **ничего**. Не чёрное, не белое, не серое. Просто — пустота. Она не давила и не пугала, но она была **весомой**, как одеяло в жаркий день. Айла шагнула в неё — и в тот же миг её плащ перестал шевелиться. Ветер исчез.

— Эй! — позвала она. — Ветер, ты где?

Тишина. Не та, в которую спускалась Иллира, а другая — **лёгкая**, но абсолютная, как в комнате, где только что выключили весь свет.

Айла стояла в Пустоте и чувствовала, как её слова исчезают, не долетая до цели. Она попыталась придумать новую историю — не получилось. Слова не рождались. Они просто... не хотели появляться.

— Ах вот ты какая, — сказала она вслух. — Ты не пугаешь, а просто *отключаешь*. Но у меня есть один секрет, Пустота. У меня есть то, чему не нужно слов.

Она закрыла глаза и представила себе **первый звук**. Тот, который она слышала, когда бабушка-Ветрянка впервые появилась у них в доме. Это был звон — чистый, тонкий, как удар по стеклянному колокольчику. Она не знала слов, которыми можно его описать. Но она могла его **вспомнить**.

И она его вспомнила.

Из глубины её памяти выплыл этот звон — маленький, как росинка на листе. Он дрожал в груди, потом поднялся в горло, потом зазвенел в ушах. И тогда Айла открыла рот и **запела**. Не словами. Просто звуком — чистым и высоким, как луч света, входящий в тёмную комнату.

Звук разлился по Пустоте, и она начала **таять**. Она превращалась в нечто похожее на мелкий песок, который, кружась, уносился куда-то вниз. А на месте Пустоты появилась **стена, усыпанная звёздами**, и в каждой звезде горел крошечный звук.

Айла подошла к стене, провела по ней пальцем и услышала **голос**. Тоненький, старый, но очень добрый:

— Ты первая, кто пришёл сюда без страха. Большинство боятся, что их голос прозвучит глупо. А ты просто запела. Спасибо тебе.

— Это вы — первый звук? — спросила Айла.

— Я — то, что осталось от первой песни, — ответила звезда. — Я живу здесь, но без воздуха я не могу звучать. Принеси мне ветер, Айла. Тот самый, что дует в твоём плаще.

Айла опустила взгляд на свой плащ. Он висел неподвижно — Пустота всё ещё держала его. Но Айла вспомнила, как бегала по лугам, как ветер играл с её волосами, как он приносил запах дождя. Она вспомнила это всем телом — и плащ вдруг надулся, зашелестел, в нём поселился ветер.

— Держи! — крикнула она и, распахнув плащ, выпустила ветер прямо в стену звёзд.

Звёзды засветились ярче, зазвенели, и из них полился **чистый, прозрачный звук** — тот самый, с которого начиналась гора.

Айла закрыла глаза и слушала. Она знала, что этот звук должен долететь до самой глубины, до сестры.

Она сделала глубокий вдох и крикнула вниз:

— Иллира! Я нашла начало! Теперь твоя очередь — принести тишину!

Голос её понёсся вниз по лестнице, по корням, через всю гору, как световая волна.

Где-то далеко-далеко внизу, у подножия корней, Иллира подняла голову и улыбнулась.
— Я слышу, — сказала она.

Глава 7. Та, что соединяет звук и тишину

Иллира поднималась снизу. Она несла в груди тяжёлую, плотную, как корень старого дуба, тишину. Она научилась её слушать и поняла: тишина — это не враг. Это ожидание. Это ладонь, которая держит звук, чтобы тот не упал.

Айла спускалась сверху. Она несла в ладонях прозрачный, звенящий, как первый луч рассвета, звук. Она научилась его рождать и поняла: звук — это не шум. Это дверь, которая открывается в тишину, чтобы та перестала быть пустой.

Они встретились ровно посередине — в том самом зале с Каменным Эхо, где расходились их дороги.

Эхо сидело на своей колонне и, когда они вошли, радостно хлопнуло крыльями, высекая из камня искры:

— *Они пришли! Обе! С ношей!*

Иллира остановилась и выдохнула. Её тишина, которую она принесла из глубины, плавно вытекла из груди, как тёплое облако. Она зависла в центре зала — серо-золотистая, переливающаяся, глубокая. Она была похожа на ледяное озеро в сумерках.

Айла шагнула вперёд и раскрыла ладони. Из них, как бабочка, выпорхнул звук — чистый, тонкий, лёгкий. Он сделал круг над головой и нырнул прямо в сердце тишины.

Звук вошёл в тишину — и никуда не исчез. Наоборот, он наполнил её собой, и тишина перестала быть простой тишиной. Она стала **глубиной**. А звук перестал быть пустым звоном — он стал **смыслом**.

— Смотри, — прошептала Айла.

Из места их встречи — из самой середины зала — начал подниматься **мерцающий столб**. Он был золотым у основания и изумрудным в середине, а наверху он переливался всеми цветами, какие только есть на свете. И в этом столбе отражались все слова, которые когда-либо звучали в горе, и все молчания, которые их ждали.

Гора дрогнула. Чёрная трещина на её склоне начала светлеть, затягиваясь тонкой серебряной нитью. Она не исчезла — она стала **окном**. Теперь сквозь неё можно было видеть небо и звёзды, которые были внутри.

И вдруг из глубины горы раздался голос — не чей-то чужой, а **голос самой горы**. Он был низким, тёплым, в нём звенели тысячи колокольчиков:

— *Я снова слышу себя. Вы принесли мне самое ценное — не слова, а их встречу. Отныне я буду помнить, что звук и тишина — не враги, а две руки одного существа. Спасибо вам.*

Эхо соскочило с колонны и подбежало к девочкам. Оно было теперь не серым, а переливчатым, как перламутр.

— *Ты!* — сказала оно Айле, потрогав её за плащ. — *Ты научилась рождать свет из пустоты. Это — редкий дар.*

И затем повернулось к Иллире:

— *А ты научилась носить тишину, как плащ. Это — великая мудрость.*

Оно протянуло им по маленькому камешку. У одной он был золотым, у другой — изумрудным.

— *Если вы когда-нибудь поссоритесь, —* сказала Эхо, *— шепните в эти камни всё, что не можете сказать друг другу. И они передадут это через гору. Но лучше — не ссорьтесь.*

Айла и Иллира посмотрели друг на друга. Иллира первой протянула руку и взяла сестру за пальцы.

— Ты хорошо придумала, — сказала она тихо, но так, чтобы все слышали. — Твоя история про ёжика всё-таки была лучше моего плана.

— А твой план был лучше моего ёжика, — ответила Айла. — Потому что без тишины мой звук улетел бы в никуда.

Они обнялись — впервые за очень долгое время. И в этот момент гора издала звук, которого никто не слышал раньше: **она запела**. Негромко, как мама, которая поёт ребёнку перед сном, но на всю округу. В Ветрограде распустились цветы, которые ещё вчера были закрыты, а на холмах появились первые изумрудно-золотые тропинки, светящиеся мягким светом.

Свистун сидел на плече у Айлы и протирает глаза лапкой.

— Вот это да, — сказал он. — Значит, мы это сделали?

— Мы, — ответили сёстры хором.

Они вышли из горы — вместе, держась за руки — и увидели, как над Стеклою Горой загорается радуга. Не та, что бывает после дождя, а та, что бывает после чуда.

И навстречу им, качаясь на ветру, плыла вдалеке **Бабушка-Ветрянка**. Она улыбалась и показывала им знак: две скрещенные ладони.

Они не поняли точно, что это значит, но почувствовали: это — знак того, что они всё сделали правильно.

Глава 8. Та, что возвращается домой

Они шли обратно через город, и всё вокруг было другим. Ветроград словно вымылся дождём — хотя дождя не было. Улицы казались шире, краски — ярче, а люди, которых они встречали, улыбались, даже не зная почему.

— Вы видели? — крикнул им Почтальон-Суслик, который уже успел разнести новости. — Гора перестала трещать! Она теперь звенит по утрам громче, чем раньше! Все цветы встали на ноги!

— На ноги? — удивилась Иллира. — Цветы не встают на ноги.

— А теперь встают! — радостно ответил суслик и показал на клумбу возле дома. Там и правда стояли цветы — не как обычно, низко пригнувшись к земле, а гордо, как маленькие солдаты, все лепестки тянулись к солнцу.

Айла рассмеялась:

— Вот видишь, Иллира! Даже цветы теперь знают, что порядок — это не всегда прямо, а иногда — вверх!

— Это я запомню, — сказала Иллира, и в голосе её не было привычного упрямства. Было что-то новое — мягкое, как мох.

Они подошли к дому с синей черепицей. Крыльцо, как обычно, скрипнуло, когда они поднялись. Но теперь этот скрип показался им не раздражающим, а приветливым. Как голос старого друга, который говорит: «Я ждал вас».

Айла скинула плащ и повесила его на гвоздь. Буквы на нём уже не сустились — они сложились в одну ровную строку:

«История — это когда двое идут в одну сторону, даже если их дороги разные».

— Ой, — сказала Айла, прочитав. — Это же про нас!

— Похоже на то, — ответила Иллира и вдруг, впервые за долгое время, улыбнулась широко — так, что стало видно её ямочки на щеках. Раньше она так никогда не улыбалась.

Они сели за стол. На столе, откуда ни возьмись, появились две чашки с тёплым молоком, и от них пахло мёдом и чем-то ещё — чем-то похожим на тот самый голубой свет из горы. А на подоконнике сидела, покачивая ногами, **Бабушка-Ветрянка**. Уже не прозрачная, а почти настоящая, только лёгкая и чуть просвечивающая, как утренний туман над озером.

— Ну что, мои хорошие, — сказала она. — Вы справились. Я знала, что вы справитесь. Я же ветер, я всё чувствую.

— Бабушка, — спросила Айла, — а вы уйдёте теперь? Улетите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.